

С. ЛЕСНЕВСКИЙ, открывший дискуссию, делает в конце своей статьи «...Начинается там, где есть тенденция» («ЛГ», № 36, 1982) неожиданный вывод: «Нет, не популярно сегодня утверждение Маяковского: «Поэзия начинается там, где есть тенденция».

Убежден, что это кредо Маяковского и по сей час жизненно. Что такое тенденция? Это стремление, сознательное намерение, направление. Разве такие высокие понятия «не популярны» в нашей литературе, в поэзии? Тенденция — это как раз неплохо. Плохо, когда — тенденциозность.

— О, как же я охотно стал
Теперь читать романы!
— А почему читать их стал?
— А потому, что я узнал,
Как пишутся романы.

— А я навеки перестал
Теперь читать романы,
— А почему ты перестал?
— А потому, что я узнал,
Как пишутся романы.

Может быть, я не прав, но мне кажется, что в этих стихах талантливого поэта Василия Казанцева нет глубокого художественного подтекста. В замысле автора не ощущается определенной тенденции, так как стихотворный диалог не имеет четкой целенаправленности. И потому в этих стихах сквозит, на мой взгляд, расхожая тенденциозность. Понимание художественной исти-

рует слова Маяковского, поэт со всей определенностью говорит: «Надо брать за перо только тогда, когда нет иного способа говорить, кроме стиха». А то, что стихи по одному только хотению не напишешь, — это ясно как божий день; не случайно поэт называл поэзию «бабой капризной».

Я понимаю тенденцию в поэзии как особое, лирически целеустремленное состояние души, наполненной высоким гражданским чувством, ищущим своего выражения в слове. В любой из строчек Маяковского — пульс времени, кровотоечение жизни.

Написать хорошие стихи высокого гражданского звучания — это, конечно, творческая удача. Но если они лежат годами в письменном столе или столах редакций и издательств, то удача публикации становится чуть ли не важнее самой творческой удачи. Поэта в первую очередь защищают его стихи, но и сам поэт вынужден защищать их, как своих детей, от редакторского своеволия, как это делал Маяковский, яростно отстаивая свое право поэта говорить «о времени и о себе».

Если современные критики упорно не желают замечать разнообразных явлений нашей поэзии и, говоря словами Герцена, «...у них совесть притупилась от изощрения эстетического неба!», то они тем самым способствуют замалчиванию многих имен и произведений, и ссылки на строгий отбор временем здесь не помогут. Есть, разумеется, в поэзии и случайное, но не в количестве дело. Не надо бояться количества, если каждый из поэтов хочет сказать о своем, и по-своему так, чтобы его голос был слышен среди других.

«Люди пошлые не понимают жизни и поступков поэта, истолковывая их в низкословном, чаще своекорыстном значении. Они подставляют понятные им категории — желание стать известнее, нажиться, насолить своему. Между тем как единственное, о чем печалится и молит судьбу поэт, это не потерять способности писать, то есть чувствовать, способности слиться с музыкой мироздания. Этим никто не может наградить, никто не может лишиться этого», — пишет в «Рифмах прозы» своего нового сборника «Безотчетное» Андрей Вознесенский, защищая от «людей пошлых» (а они есть и в литературе) не только себя, свою поэзию, но и тех советских поэтов, которые не потеряли способности чувствовать, писать. И напрасно поспешил подхватить слова Ст. Лесневского о «напоре количества» поэтических книг и самих поэтов другой критик — А. Кондратович в своей статье «Где она, «генеральная думка?»» («ЛГ», № 37, 1982). Напрасно, потому что в целом его статья глубока и серьезна. А то, что сказал А. Кондратович, задумавшись над поэтическими судьбами Николая Рубцова и Алексея Прасолова: «...при жизни оба не были в особой милости у критики, да и читатели не больно их знали», переключается с призывом Маяковского: «Живым статьи! Хлеб живым! Бумагу живым!» — и остается верным и для сегодняшнего дня. Знает ли читатель нас так, как мы каждый по отдельности того заслуживаем? Часто ли нам дают возможность выступать в периодике, по радио? Нечасто. А по телевидению и вовсе не дают: с десяток имен буквально закрыли экран телевизора своими массивными фигурами, оттеснив других поэтов. Выступая в начале этого года на собрании нашего московского объединения поэтов с обзором «Советская поэзия в борьбе за мир», я как одно из лучших произведений на эту тему прочитал стихотворение Николая Рубцова «Поезд». И меня порадовало, что Ст. Лесневский полностью переписал его в своей статье. Так спустя много лет оно появилось в периодике. А ведь «Поезд» — одно из лучших стихотворений советской поэзии.

Содержание стихотворения — это содержание души поэта. И говоря об уровне поэзии, надо всегда помнить об этом. Сегодняшнее к тому, что сейчас много

Маяковский и современная поэзия

Леонид ТЕРЕХИН

КРИТЕРИИ для всех — одни

В дискуссии, начатой статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36, 1982), уже выступили критики А. Кондратович («ЛГ», № 37), В. Сухнев («ЛГ», № 38), А. Назинцев («ЛГ», № 41), Ал. Михайлов («ЛГ», № 43), П. Ульяшов («ЛГ», № 47), поэты Е. Исаев («ЛГ», № 39), А. Васильев, М. Ильницкий и В. Соколов («ЛГ», № 40), О. Шестинский («ЛГ», № 44), В. Кочетков и В. Сидоров («ЛГ», № 45), В. Савельев («ЛГ», № 46), Т. Бондарь («ЛГ», № 48), Н. Старшинов («ЛГ», № 49), читатели («ЛГ», №№ 41, 44, 46). Печатаем сегодня статью поэта Л. ТЕРЕХИНА.

Поэтов, что сейчас много стихов, беспредметны, если не говорить о главном. Это главное всегда имел в виду Маяковский: «Сейчас все пишут и очень недурно. Ты скажи, сделал ли ты из своих стихов или пытался сделать оружие класса, оружие революции?» Разве эти слова в сегодняшнем период острой идеологической борьбы с нашими идейными противниками и безыдейным потребительским мещанством не современны?! Вот что должна иметь в виду наша критика, входя в поток поэзии «...Я не за рифмованную политграмоту», — предупреждал Маяковский. Вопрос мира на Земле, вопрос «быть или не быть» — самый сейчас болевой вопрос. Как же читателю после тревожного «Поезда» Николая Рубцова читать, например, такое стихотворение Владимира Топорова, где легкомыслие подается как оригинальное поэтическое решение темы свободы: «...небо, тучей открытое, улететь пыталось от Земли».

Выгибалось небо
в напряжении
И опять хотело, и опять,
Одоев земное притяжение,
Сладкий миг свободы
испытать —
Смертный миг.

Поэт, видимо, и не подозревает, что говорит о той самой трагедии, которая в случае ядерной катастрофы разразится над человечеством, испепелив землю и небо: да, это будет действительно «смертный миг» для всех, но уж никак не «сладкий». Скажут: автор этих стихов еще молод, что-то непонял. Но в поэзии скидок ни для кого нет. «...для гения и таланта одни законы, несмотря на все их неравенство», — говорил Белинский. Обращаясь к Белинскому, хочу сказать, что его взгляды на поэзию и на роль поэта в обществе несли свое развитие во многих взглядах Маяковского, в его поэтической практике и творчестве.

Когда поэту изменяет чувство такта, как в только что приведенных строчках, это еще полбеды. А вот когда встречаешься с откровенной бестактностью, испытываешь боль:

Я слово «мать» не понимаю,
В виду имею не бесчувствие —
Звать маму матерью не смею,
Как белый флаг поднять над брестером...
(Игорь КУДРЯВЦЕВ)

В этих корявых строчках святое слово «мать», с благоговением произносимое Некрасовым, Есениным, другими русскими поэтами, превращается под корявым пером автора в «белый флаг» его сыновнего чувства. Почему-то по законам современной мещанской морали слово «мать» стало неудобно произносимым. Так ханжа видит в скульптуре обнаженного торса непристойность. Мама — душевнее и милее кажется. И «мама», и «мать», и «мати» — одинаково святое слова: пусть кто как хочет, так и на-

зывает. Но зачем же перечеркивать одно из них? Ведь не скажем же мы «Родина-мамз», а скажем — «Родина-мать».

А разве не подводит чувство гражданского такта Анатолия Парпару, когда он выступает вот с такими стихами: «Вот уже стареются в печать сытые от загранич собраты протолкнуть мыслишку: мол, писать хватит о войне, как о проклятье; было и полезное: война двинула к развитию науку. Но сейчас в забвение она канула. Ни духу и ни звуку...» Действительно, отголоски такой «мыслишки» были, но ведь нельзя же голословно обвинять многих «сытых от загранич собратьев» в «проталкивании» этой мракобесовской «мыслишки».

И в этих стихах нет тенденции, но есть все та же недооценившая всем тенденциозность. И мелькают самые высокие по своему смыслу и значению слова.

Маяковский писал: «На сцене эстрады бросаю меня...» Поэт много выступал, видел в этом сильное средство воздействия поэтическим словом на слушателей. Но никому из нас и в голову не придет назвать Маяковского «поэтом-эстрадником». И странно нынешнее искусственное деление поэзии на так называемую читаемую и эстрадную. Оно принижает роль гражданской поэзии в обществе, самого поэта, как, впрочем, и слушателя, читателя поэзии, которого почему-то стали теперь называть «любителем», приравнивая его ко всякого рода любителям разных занятий и вкусовых ощущений, не требующих «работы» души, — духовную сущность человека стараются до того уравнивать, что появилось даже выражение «любитель народной песни»: боюсь, как бы патриотов скоро не стали называть «любителями Отечества». Хорошо помню с времен военного детства, как поэму Николая Тихонова «Киров с нами», стихотворение Константина Симонова «Жди меня...», стихи других советских поэтов читали не «любители», а весь народ. Выступление поэта на «эстраде» в цехе, в школьном классе, на полевого стане ответственно и почетно.

...Хромой школьный учитель Тиртей, посланный в роли военачальника афинянами в наемную спартанцам, весь вечер распевал воинам свои маршевые песни-эмбатырии: «Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополчения, Родину-мать от врагов обороняя в бою...», и так воодушевив спартанцев, что наутро они одержали победу над своими врагами-мессенцами: хромой поэт Тиртей сделал во много раз больше самого искусного полководца. А сколько раз стихи и песни воодушевляли ратников и бойцов в отечественных и гражданских войнах! И сегодня остается в полной силе правда Маяковского: «Слово — полководец человеческой силы». «Я знаю силу слов — я знаю слов набат...».

ны здесь как бы сведено к простому противопоставлению двух разных мнений.

А вот еще пример того, как тенденция низводится поэтом до тенденциозности:

Не закатаешь
и осеннему небу
этих черных,
бессмертных очей...
Так и жизнь пролетит —
на потребу
этой дудке трухлявой моей!
Так и слезы прольются —
всухую.
Так и кровь утечет —
как вода.
Хоть врага бы —
в уста поцелую;
это мне не составит труда!
Это мне ни почем —
расставаться
каждой жилой и кандой
строной...
Это мне лишь забава —
стучаться
в рай, обшитый
корявой доской!

(Татьяна ГЛУШКОВА)

Лирическое стихотворение. Грустное. А грусть, как писал Белинский, «...составляет основной элемент, родную стихию, главный мотив нашей национальной поэзии!» Но Белинский говорил о такой грусти, которая «разрывает сильную душу, но не убивает ее». Этого не скажешь о данном стихотворении: грусть в нем убивает душу — особенно строчками второй строфы, утверждением «Хоть врага бы — в уста поцелую: это мне не составит труда!», желанием спастись от тяжелой грусти, тоски, одиночества любой ценой.

Мне кажется, я понял, что смущает Ст. Лесневского: в утверждении Маяковского ничего не сказано о поэтическом чувстве, определяющем начало зарождения слова. Но ведь в этой же работе — «Как делать стихи?», — откуда критик цити-